УДК 94 (470): 571

АГРАРНЫЙ КРИЗИС В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Чуркин М.К.

ФБГОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14), e-mail: proffchurkin@yandex.ru

В работе выявлены основные экономико-демографические причины аграрного кризиса в России. Показано, что эпицентром аграрного кризиса во второй половине XIX – начале XX вв. стали типично земледельческие губернии: Курская, Орловская, Тамбовская, Воронежская. Гипотетическое признание наиболее интенсивного проявления кризисных факторов в экономике центрально-чернозёмной полосы России позволило предположить, что данный регион при существующих традициях экстенсивного земледелия и общинного землевладения будет выступать в качестве потенциального донора переселенческого движения на восточные окраины страны и отличаться наибольшей миграционной активностью сельского населения. Автором выяснено, что такие варианты преодоления кризиса, как аренда, попытки технической модернизации и рационализации сельского хозяйства, носили паллиативный характер, в то время как практика ежегодного участия крестьян региона в отхожих земледельческих промыслах способствовала формированию и накоплению крестьянством миграционного опыта, позволившего обратиться к переселениям как наиболее адекватному способу преодоления кризисных явлений в аграрном секторе экономики страны.

Ключевые слова: аграрный кризис, миграции, миграционная мобильность, переселения, модернизация, аграрная колонизация.

AGRARIAN CRISIS IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE CHENOZEMNYH PROVINCE OF EUROPEAN RUSSIA AS A FACTOR MOBILITY MIGRATION PEASANTRY IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Churkin M.K.

FBGOU VPO "Omsk State Pedagogical University", Omsk, Russia (644099, Omsk. Tukhachevsky Embankment, 14), e-mail: proffchurkin@yandex.ru

The paper identified key economic and demographic reasons for the agrarian crisis in Russia. It is shown that the epicenter of the agrarian crisis in the second half of the nineteenth - early twentieth centuries. were typical agricultural province: Kursk, Orel, Tambov, Voronezh. The hypothetical recognition of the most intense manifestations of the crisis factors in the economy of the Central Black-Earth zone of Russia suggesting that the region with the existing traditions of extensive farming and communal ownership of land will act as a potential donor resettlement movement on the eastern outskirts of the country and the most different migratory activity in rural areas. The author found that such variants of the crisis, as rent, trying to technical modernization and rationalization of agriculture were palliative in nature, while the practice of annual participation of farmers in the region's migratory agricultural fields contributed to the formation and accumulation of the peasantry of the migration experience, enabling them to apply for resettlement, as the most adequate way of overcoming the crisis in the agricultural sector of the economy.

Key words: agrarian crisis, migration, migration mobility, migration, modernization, agrarian colonization.

В отечественной исторической науке второй половины XIX и большей части XX столетий проблема экономического состояния аграрного сектора народного хозяйства России обсуждалась и оценивалась в тесной связи с понятием «аграрный кризис». По замечанию П. Грегори, «сила сложившегося в конце XIX в. консенсуса относительно аграрного "кризиса" является поистине впечатляющей, причём это убеждение до сих пор

остаётся предметом веры среди историков» [16]. В оценке общих условий, при которых стало возможным проявление кризиса в сельском хозяйстве, отечественные исследователи, в числе которых Н.П. Макаров, Б.Д. Бруцкус, П.Б. Струве, Н.Н. Романов, А.А. Кауфман, П.Н. Милюков, П.Г. Рындзюнский, И.Д. Ковальченко, А.С. Нифонтов и др., в целом были единодушны, относя к числу таковых демографические изменения, проявившиеся в пореформенную эпоху в стремительном росте населения и развивавшиеся на этом фоне процессы крестьянского малоземелья.

В зарубежных трудах, посвящённых вопросам экономического развития России и динамики сельского хозяйства, опубликованных в 1970–1990-е гг., сделан акцент на выявлении региональных особенностей хозяйственного развития. Такие специалисты, как П. Грегори, С. Уиткрофт и др., отмечая общую тенденцию роста производства зерна на душу населения, оговаривают, что динамичный рост был характерен в конце XIX в. только для недавно заселённых Южного и Восточного производительных районов. За средними цифрами скрывалась стагнация темпов зернового производства в Северном потребляющем регионе и упадок в Центральном производящем.

Гипотетическое признание наиболее интенсивного проявления кризисных факторов в экономике центрально-чернозёмной полосы России позволяет предположить, что данный регион при существующих традициях экстенсивного земледелия и общинного землевладения будет выступать в качестве потенциального донора переселенческого движения на восточные окраины страны и отличаться наибольшей миграционной активностью сельского населения. В этой связи одной из актуальных задач исследования становится выяснение логики и приоритетных причин кризисных явлений в аграрном секторе экономики Центрально-Чернозёмного региона европейской части России и институциональных способов их преодоления.

Традиционно принято считать, что первичным импульсом к формированию негативных явлений в сельском хозяйстве Европейской России стало изменение демографической ситуации в стране во второй половине XIX столетия. Отличавшиеся наибольшей достоверностью данные переписи 1897 г. позволяют установить численный состав населения земледельческого центра Европейской России, согласно которым в регионе насчитывалось 12 365 800 человек, из них на долю сельского населения приходилось 11 343 500. В исследуемых губерниях крестьянское население распределялось следующим образом: в Воронежской губернии проживало 3 166 900 человек; в Курской – 2 753 200; в Орловской – 2 580 400; в Тамбовской – 3 412 900. Наибольшей величины удельный вес сельского населения достигал в Воронежской губернии – 94,4% от общей численности; наименьшей – в Орловской – 88,8% [12].

По плотности населения на квадратную версту средне-чернозёмные и северо-чернозёмные губернии земледельческого центра страны входили в первую десятку среди населённых мест Европейской России, уступая по этому показателю только Киевской и Полтавской губерниям. Согласно статистике, наибольшее «уплотнение» в губерниях пришлось на пореформенный период и выразилось в следующих цифрах: для Воронежской губернии – 45,0 человек, Тамбовской губернии – 41,0, Орловской губернии – 35,0, Курской губернии – 24,0. При этом в условиях трёхпольной системы севооборота и общинной формы землевладения средний урожай зерновых в типично земледельческих губерниях России, даже при самых благоприятных условиях, редко выходил за границу 3,5–4 четверти с десятины (29,7–34 пуда) [8].

На основании этих данных можно предположить, что фундаментальные причины хронической стагнации сельского хозяйства чернозёмного центра России коренились не в демографических трансформациях, а в способе производства, степени рациональности земледелия.

Во второй половине XIX – начале XX вв. к разряду наиболее распространённых способов приискания крестьянством дополнительных доходов в рамках существующего аграрного порядка принадлежали земельная аренда, введение рациональных технологий в производство, а также различные виды отходничества.

Недостаточность общинного надела в совокупности с неудобным расположением земельных угодий вынуждала крестьян чернозёмного центра России увеличивать размеры землепользования за счёт аренды частных, удельных и казённых земель.

К практике аренды в чернозёмной полосе России регулярно обращались те сельские общины, «у которых отрезаны луговые и пастбищные участки» [2]. По данным Центрального статистического комитета, в 1881 г. на 100 десятин снятой во временное пользование земли в Воронежской губернии приходилось пашни 69,1%, лугов и выгонов – 30,9% [13]. К началу XX в. в центрально-чернозёмных губерниях, по сравнению с 1880-ми гг., аренда увеличилась с 1 481 934 до 2 322 500 десятин и составляла 20,5% к надельной земле, а в Воронежской губернии – с 395 813 до 603 200 десятин [13]. Статистические материалы земского обследования уездов Воронежской губернии, в частности Землянского, показывают, что арендные отношения развивались в зависимости от хозяйственной состоятельности различных групп крестьянства. В указанной местности крестьяне-бедняки (безлошадные и однолошадные) составляли 57%, тогда как зажиточные только 4,7%. Бедняки, имевшие на один двор от 4,5 до 7,8 десятин надельной и от 0,8 до 3,8 десятин купчей земли, арендовали на одно хозяйство от 1,4 до 2,0 десятин [11]. В таких случаях

преобладал наиболее распространённый вид аренды – подесятинный на один посев. Аренда «из нужды» в конечном итоге не спасала крестьянина от малоземелья и обнищания.

К разряду потенциальных внутренних ресурсов, направленных на придание эффективности аграрному сектору экономики относились меры по интенсификации и рационализации сельскохозяйственного производства. На рубеже XIX – XX вв. специалисты в области аграрных вопросов, анализируя состояние сельского хозяйства России в сложившихся условиях экономического кризиса, утверждали, что для крестьянства остаются только две возможности выхода из этого затруднительного положения: либо выселяться на новые земли, либо устроить своё полевое хозяйство таким образом, чтобы обрабатываемый земельный участок давал значительно более хлеба и дохода, чем в настоящий момент. Необходимость внесения изменений в существующую сельскохозяйственную практику осознавали и правительственные круги. В процессе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. была предпринята попытка дать ответ на вопрос о причинах кризиса крестьянского хозяйства и путях его преодоления. В выступлениях М.М. Фёдорова, Р.Э. Ленца, А.Н. Куломзина содержались соображения о потребности «планомерного и сознательного приспособления сельского хозяйства к изменившимся условиям мирового рынка», причём осуществление этой задачи участники совещания соотносили с качественным переустройством сложившейся системы в аграрном секторе: введением новых агрикультур, поднятием техники сельского хозяйства, рациональной организацией сбыта [10].

Объективно идея модернизации аграрного сектора была инициирована представителями местной сельской интеллигенции и позитивно воспринята властными структурами. В представлениях крестьянской массы само понятие «перемены» применительно к сельскому хозяйству ассоциировалось исключительно с дополнительным земельным наделением. Отмену крепостного состояния подавляющая масса крестьян восприняла как осуществление вековой народной мечты об абсолютной свободе, «казачьей вольнице», независимости от государства, закона, помещика. Во многом поэтому уже после отмены крепостного права попытки сельской интеллигенции рационализировать крестьянский труд, используя новые аграрные технологии или передовые орудия труда, непосредственные землепользователи понимали как один из рецидивов системы крепостных отношений. В частности, появление в пореформенный период земской агрономической службы не смогло поднять уровень крестьянской агрикультуры и изменить экономические стереотипы поведения. На первых порах агрономы часто сталкивались с непониманием важности своей работы, даже с откровенным недоброжелательством. В одном из отчётов сообщалось: «Крестьяне ропщут на непроизводительную трату их денег (на содержание

агрономов, пчеловодов и т.д.), лекций их почти не посещают и над советами смеются» [3]. В связи с этим обстоятельством многие перспективные инновации в сельском хозяйстве не получали дальнейшего распространения, не приносили ожидаемой отдачи.

Неэффективность рационализаторских мер в сельском хозяйстве объяснялась не только невосприимчивостью крестьянства к аграрным инновациям, но и объективными экономико-географическими условиями функционирования сельского хозяйства. Крестьянство земледельческого центра страны во второй половине XIX столетия, безусловно, имело представление о пользе навозного удобрения. Вместе с тем в условиях дальноземелья и чересполосицы использование удобрений становилось нецелесообразным. По подсчётам экономистов, при удалённости поля от усадьбы на 3–5 вёрст обработка его была экономически невыгодной. В работе «Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами» экономист П. Лохтин иронизировал: «Представить себе русского крестьянина, собирающего золу или кости для удобрения полей так же трудно, как быка, танцующего польку. Одна из причин неиспользования удобрений – неудобное расположение земельных наделов» [8]. По наблюдениям курских статистиков, поля, располагавшиеся за 3 и более верст от усадеб, крестьяне не удобряли и тщательно не обрабатывали [3]. В Курской губернии в 1902 г. 1 851 община из 4 030, т.е. 46%, имела земли на расстоянии от 3 до 10 верст от усадеб [3]. Подсчёты расстояний, преодолеваемых крестьянами в период сельскохозяйственных работ, производят тяжёлое впечатление: «Для того чтобы свезти только 50 копён собранного хлеба, посеянного за 5 верст от усадьбы, крестьянин должен совершить путешествие в 300 верст – 150 верст туда в телеге и столько же обратно пешком за возом» [1].

В результате подавляющая часть земледельцев чернозёмной полосы России предпочитала жёстко придерживаться малопродуктивных, но в наибольшей степени предохраняющих от неурожая и голода систем полеводства и форм землепользования. Следствием такого положения вещей стала тотальная ориентация крестьянства на паровую систему земледелия со строгим трёхпольным севооборотом, что приводило к большим потерям земельного фонда.

В конце XIX – начале XX вв. формально наличествовали объективные предпосылки роста сельскохозяйственного производства за счёт использования новейших орудий труда, производимых в достаточном объёме промышленным сектором. Внутреннее производство сельскохозяйственных орудий динамично росло. По данным экономиста и статистика А.А. Кауфмана, в 1896 г. общая сумма внутреннего производства машин, предназначенных для земледелия, равнялась 9,6 млн рублей, а к 1912 г. – 53 млн рублей [4]. В то же время распространение улучшенных орудий труда далеко не всегда свидетельствовало о прогрессе

в сельском хозяйстве, так как модернизированные орудия производства с равной степенью успеха могут быть использованы как в условиях культурно-интенсивного, так и экстенсивно-хищнического хозяйства.

Таким образом, анализ возможных путей агрикультурной реконструкции и модернизации сельского хозяйства России во второй половине XIX – начала XX вв. демонстрирует наличие глубокого противоречия между в целом верными, но зачастую абстрактными и не соответствующими реальным условиям теоретическими соображениями специалистов в аграрной сфере и весьма ограниченными шансами их приложения в практическом отношении.

Ограниченность земельного фонда, относительная невыгодность аренды, медленная внедряемость инновационных технологий на фоне усиливающегося аграрного перенаселения делали жизненно необходимым для крестьянской части населения чернозёмного центра России занятие промыслами. Отхожие заработки, по оценке А.А. Кауфмана, – «следствие и один из симптомов избытка рабочих рук, который направлен на земледельческий отход, если нет достаточного местного спроса на труд» [4].

По данным статистика Ф.А. Щербины, общие крестьянские доходы от промыслов составляли в степных, южных и юго-восточных губерниях Европейской России 21–23% бюджета, в промышленно-земледельческих – 35%, в остальных – 30–33% [15]. Однако важно то, что для крестьян чернозёмных губерний, экономические стереотипы которых формировались в условиях тотального господства земледелия как основного вида деятельности, в качестве приоритетных рассматривались преимущественно земледельческие промыслы.

В связи со сложившимся положением вещей выглядит вполне естественным, что именно чернозёмная полоса стала преобладающим источником земледельческого отхода во второй половине XIX – начале XX в. По различным направлениям промысловой деятельности земледельческий отход в чернозёмной полосе в процентном отношении значительно превышал все прочие виды заработков, охватывая 49,2% населения региона, участвовавшего в промыслах в 1880–1890-е гг., тогда как на другие виды дополнительных заработков в целом по региону приходилось: мастерство и ремесло – 28,8%, кустарные промыслы – 16,0%, фабрично-заводские заработки – 3,1%, торговля – 2,9% [9].

В то же время участие крестьян Центрально-Земледельческого района в промысловой деятельности корректировалось постоянно снижавшимися заработками, что объяснялось неурожаями в южных местностях, спонтанным характером самого промыслового движения, а также непомерными железнодорожными тарифами. По уточняющим данным А.А. Кауфмана, валовой заработок мужчины-промысловика равнялся 30–70 рублям, женщины – 20–50

рублям, однако домой возвратившиеся с промыслов крестьяне обычно приносили не более 20–30 рублей за 3, 4, а иногда и 6 месяцев отсутствия [4].

Не менее существенной причиной ограниченности промыслов стало изъятие земли у частных владельцев в пореформенный период, что лишало деревню стабильного заработка.

Наконец, в условиях малоземелья и жёсткой общинной регламентации уход крестьянина на промыслы мог рассматриваться как разновидность сословной дисквалификации, отклонения от традиционной крестьянской функции – быть земледельцем. При определении контингента наделяемых община считала необходимым обеспечить землёй тех, кто имел с ней потомственную связь, являлся земледельцем де-факто, сохраняя устойчивые отношения с родными местами.

Важным следствием расширявшейся практики земледельческого отхода в исследуемых губерниях явилось стабильное накопление миграционного опыта и психологическая готовность крестьян региона к переселениям. Долговременные традиции земледельческого отхода в чернозёмной полосе Европейской России формировали в сознании крестьянства устойчивые жизненные ориентации, в соответствии с которыми приверженность основному роду занятий (земледелию) оценивалась выше, чем территориальные привязанности. Характерно, что повышенную мобильность земледельческого населения чернозёмных губерний источники фиксировали издавна. В 1742 г. по Воронежской и Курской губерниям числилось в бегах 10 423 человека; в 1757 г. из Тамбовской губернии несколько тысяч крестьян переселились в Царицын и Камышин [159]; в период с 1831 по 1866 г. из Тамбовской же губернии самовольно выселилось 7 876 душ обоего пола [10].

Во второй половине XIX столетия выходцы из чернозёмного региона направлялись на промыслы в предкавказский регион, Заволжский край, Донщину, Таврическую губернию, Новороссию и Малороссию, имея богатейший предварительный опыт земледельческого отхода. Материалы переписи 1897 г. достаточно четко обрисовывают картину миграционных устремлений крестьянства губернии, сообразно с которой распределение переселенцев по районам внутренней и внешней колонизации (Кубанская область – 64 898 душ; Харьковская губерния – 47 598 душ; Область Войска Донского – 32 140 душ; Екатерининская губерния – 25 868 душ; Таврическая губерния – 17 886 душ; Томская губерния – 67 421 душ) по-прежнему соответствовало промысловым пристрастиям большей части земледельческого населения региона-донора [14].

Активная миграционная подвижность крестьянства чернозёмной полосы в пределах районов внутренней колонизации, регулярная практика земледельческого отхода, обусловленная спонтанной организацией данного процесса в местах традиционного приложения сезонного земледельческого труда, способствовали вынужденному расширению

географического ареала крестьянских миграций. Так, всплеск переселений земледельцев Курской губернии в Томскую и Тобольскую губернии в 1870-х гг. (по данным И. Вернера, в 1850–1860-е гг. из губернии в Сибирь ушло 153 семьи, в 1870–1880-е гг. – 571 семья) объяснялся неудачными переселениями местных крестьян в Кубанскую область, когда в результате двухлетнего неурожая в места выхода вернулось 120 семей [5].

Не последнюю роль в изменении направлений движения крестьян чернозёмного центра играли и официальные сведения о размерах земельных наделов в разных местностях европейской части России и в Сибири. В Таврической, Херсонской, Екатеринославской, Саратовской губерниях, наиболее популярных среди крестьян земледельческого центра страны, высшие размеры душевых наделов колебались по различным уездам от 3 до 7 десятин, тогда как в Сибири крестьянин мог рассчитывать на полноценный 15-десятинный надел [10].

Общая оценка экономико-демографической ситуации в четырёх чернозёмных губерниях Европейской России позволяет говорить о существовании в аграрном секторе экономики региона кризисных явлений, инспирированных интенсивным ростом численности населения при относительно стабильном состоянии крестьянского надельного фонда.

В сложившейся ситуации внутриресурсные варианты урегулирования кризисных явлений в аграрном секторе (аренда, промыслы, рационализация хозяйств) экономики России носили паллиативный характер.

В то же время практика ежегодного участия сельскохозяйственных производителей черноземной полосы в отхожих земледельческих промыслах способствовала формированию и накоплению миграционного опыта, позволившего прибегнуть во второй половине XIX – начале XX вв. к переселению на восточные окраины страны как к вынужденной и одновременно жизненно необходимой, соответствующей крестьянской ментальности мере по преодолению кризисных явлений в собственном хозяйстве.

Список литературы

1. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX – XX вв. – 1917 г. : дис. … докт. истор. наук. – М., 2001. – С. 100.
2. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1891 гг. – М., 1978. – С. 134.
3. Иванов А.А. Крестьянское хозяйство Черноземного Центра России накануне и в годы первой мировой войны : дис. … канд. истор. наук. – М., 1998. – С. 58.
4. Кауфман А.А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства // Антология социально-экономической мысли в России. – СПб., 2000. – С. 603.

5. Курская губерния. Итоги статистического исследования // под ред. И.А. Вернера. – Курск, 1887. – С. 38.
6. Ленский Б. Крестьянские переселения // Дело. – 1881. – № 12. – С. 42.
7. Ленц Р.Э. Результаты сельского хозяйства России за последнее десятилетие истекшего века. – Юрьев, 1902. – С. 48–49.
8. Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. – СПб., 1901. – С. 134, 217.
9. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян центрального района. – Курск, 1885. – С. 3.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 8.
11. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. – Воронеж, 1897. – С. 328–329.
12. Симонова М.С. Столыпинская аграрная реформа в Центрально-Черноземном районе (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская губернии) : дис. … канд. истор. наук. – М., 1953. – С. 34.
13. Статистический временник Российской империи. – СПб., 1903. – Серия 3. – Вып. 10. – С. 346, 350, 352.
14. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). – М., 1978. – Приложение 1.
15. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. – Воронеж, 1900. – С. 38–45.
16. Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем // Экономическая история. Ежегодник. 2000. – М., 2002. – С. 11.

Рецензенты

Худяков В.Н., д.ист.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Омского государственного педагогического университета, г. Омск.

Сабурова Т.А., д.ист.н., профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, г. Омск.